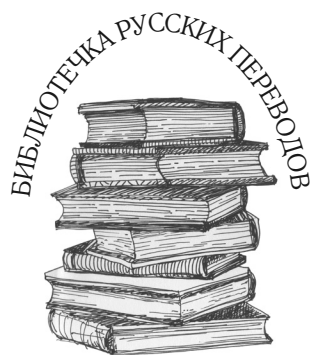
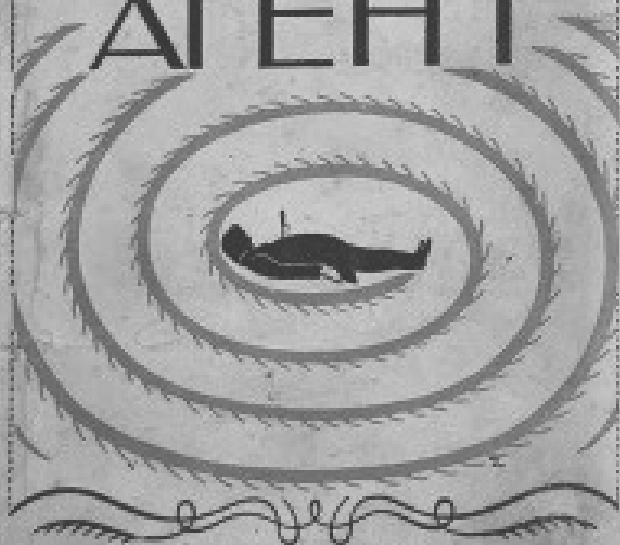

ДЖОЗЕФ КОНРАД

ТАЙНЫЙ АГЕНТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕТРОГРАД»

ЛЕНИНГРАД

1925

МОСКВА

Конрад Джозеф

Секретный агент

RUGRAM

Москва
2023

УДК 821.111
ББК 84(4)
К64

Joseph Conrad
The Secret Agent
London: Methuen, 1907 г. — 442 с.
Перевод З.А. Венгеровой

Конрад, Джозеф.
К64 Секретный агент: роман / Джозеф Конрад; [пер. с англ.]. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 254 с. — (Библиотека русских переводов).

ISBN 978-5-517-09972-3

«Секретный агент» Конрада — не детектив в привычном смысле слова. В романе на первый план выведены характеры героев, их душевное состояние и переживания. Увлекает напряженная интрига, и выразительные действующие лица, глубокий психологический анализ сторонников террора. Мы видим трагедию одиночки, роковую игру человека с Судьбой, проклятие золота, и дихотомию Восток-Запад».

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-09972-3

© Подготовка текста, Издатель
Иванов В.Ю., 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

Секретный агент

ГЛАВА I

Выйдя из дому утром, мистер Верлок оставил свою лавку на попечении брата своей жены. Никакого риска в этом не было, потому что вообще торговля шла очень тихо, особенно днем; редкие покупатели являлись только ближе к вечеру. Мистер Верлок вообще не придавал большего значения своей торговле; она служила больше для отвода глаз, прикрывая собой настоящее его занятие. К тому же, он мог быть вполне спокоен, так как кроме шурина оставалась дома и его жена.

Лавка была маленькая, да и весь дом был небольшой. Такие угрюмые кирпичные дома рассеяны были в большом количестве по всем кварталам Лондона до того, как началось перестройка города. Лавка занимала четырехугольное помещение. Входная дверь была закрыта весь день и только к вечеру таинственно приотворялась. В витрине выставлены были фотографические карточки сильно декольтированных танцовщиц; затем, пакетики с патентованными лекарствами и странные, туго набитые, заклеенные желтые конверты с обозначенной на них, густой черной краской, ценой в два с половиной шиллинга. На протянутой поперек витрины веревочке висели как бы для просушки старые французские юмористические журналы. Затем еще были разложены в витрине канцелярские принадлежности, бутылочки с чернилами для метки белья, каучуковые штампы, несколько книг, заглавия которых возвещали непри-

стойность содержания, старые номера неведомых, плохо напечатанных газет под вызывающими заглавиями: «Горящий факел», «Призывный Колокол». Два газовых рожка в витрине горели очень слабо — может быть, из экономии, а может быть, в интересах покупателей.

Обычными покупателями были или очень молодые люди, которые обыкновенно долго стояли у окна и потом только украдкой пробирались в лавку, или же люди почтенного возраста, видимо сильно опустившиеся. У них воротник был обыкновенно поднят до ушей, а платье было потертое и забрызганное грязью. Ступали они, большей частью весьма неуверенно, засунув руки глубоко в карманы. Они подходили к двери боком, выдвигая сначала одно плечо, точно боясь задеть колокольчик входной двери. А этого было трудно избежать. Колокольчик, подвешенный к двери посредством изогнутой стальной ленты, был надтреснут в нескольких местах, но по вечерам он немилосердно дребезжал, как только кто-нибудь приближался к двери.

Как только раздавался звук колокольчика, из-за покрытой пылью стеклянной двери за деревянным прилавком показывался мистер Верлок, выходя из задней комнаты. У него были заспанные глаза с тяжелыми веками; можно было подумать, глядя на него, что он весь день валялся в платье на неприбранной постели. Всякий другой на его месте не решился бы показаться таким, так как в торговом деле очень важно, чтобы у продавца был обходительный, приятный вид. Но мистер Верлок знал своих покупателей и не церемонился с ними. Глядя в лицо покупателю дерзким и вызывающим взглядом, точно отвечая этим на ожидаемую брань и угрозы; он продавал какой-нибудь предмет, слишком явно

не стоящий тех денег, которые за него уплачивались: какую-нибудь маленькую коробочку, как будто пустую внутри, или один из тщательно запечатанных желтых конвертов, или же книжку в загрязненной обертке с многообещающим заглавием. Изредка продавалась любителю и какая-нибудь из вылинявших декольтированных танцовщиц.

Иногда на призывный звук треснувшего колокольчика появлялась миссис Верлок, молодая женщина, довольно полная, в плотно облегающем ее платье, с гладко причесанными волосами. У неё был такой же пристальный взгляд, как у мужа, и она стояла за прилавком с непроницаемо-равнодушным видом. Покупатели юного возраста смущались при появлении женщины; некоторые с затаенным бешенством требовали бутылочку чернил для метки, платили за нее полтора шиллинга, вместо обычной цены в шесть пенсов и, выйдя из лавки, сейчас же бросали бутылочку в канаву.

Вечерние посетители — те, у которых воротники были подняты до ушей, а поля мягких фетровых шляп спущены вниз, — кивали головой миссис Верлок с видом хороших знакомых; пробормотав приветствие, они приподнимали доску в конце прилавка и проходили в коридор, из которого крутая лестница вела вверх. Дверь в лавку была единственным входом в дом, в котором мистер Верлок занимался своими разнородными делами, продажей подозрительных предметов, охраной общества и, кроме того, культом семейных добродетелей. Он был образцовый семьянин. Его духовные, умственные и физические запросы вполне удовлетворялись в домашней обстановке. Дома он жил спокойно и мирно, окруженный попечениями жены и почетом матери, миссис Верлок.

Мать Уинни Верлок была полная, коренастая женщина с широким смуглым лицом. Она носила черный парик и белую наколку. Опухшие ноги не давали ей возможности двинуться с места. Она гордилась своим французским происхождением. Овдовев после долголетнего супружества — муж её был оптовый торговец съестными припасами, — она содержала себя, дочь и сына тем, что сдавала меблированные комнаты в одном из фешенебельных кварталов Лондона. Дам она к себе не пускала. Ввиду удачно выбранного места, комнаты её были всегда заняты, но жильцы вовсе не принадлежали к аристократическому обществу. Дочь её, Уинни, помогала ей вести хозяйство. Следы французского происхождения заметны были и в молоденькой дочери вдовы. Уинни со вкусом причесывала свои блестящие черные волосы, у неё был очаровательный цвет лица и, она держалась с большим достоинством, но при этом вовсе не уклонялась от разговоров с жильцами и была чрезвычайно любезна, никогда, впрочем, не роняя себя этим. мистер Верлок, по-видимому, сразу почувствовал обаяние её чар. Занимая комнату у вдовы, он часто отлучался без всяких видимых причин. Он обыкновенно возвращался в Лондон с континента с несколько таинственным видом. Образ жизни его был не совсем обычный. Утренний кофе ему подавали в постель, и он обыкновенно не вставал до полудня, а иногда даже поднимался еще позже. Уходил он из дому поздно и возвращался уже рано утром. Когда Уинни вносила ему в десять часов утра поднос с завтраком, он здоровался с ней с изысканной любезностью, но голос у него был охрипший, точно он много часов кряду говорил без умолку. Его выпуклые глаза с тяжелыми веками, смотрели на нее томным влюбленным взглядом.